

18+

Елена Пумина

КОТИК, МАШУЩИЙ ЛЕВОЙ РУКОЙ

Елена Тумина

Котик, машущий левой рукой

«Издательские решения»

Тумина Е.

Котик, машущий левой рукой / Е. Тумина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692338-6

В сборник рассказов Елены Туминой вошли произведения, написанные с 2022 по 2025 годы. Все они об обычных людях, живущих рядом с нами — соседях, приятелях, о совсем незнакомых или о ком мы знаем понаслышке. А может быть, мы выдумали их сами? Рассказы о понимании и отчуждении, радости и печали, о том, что окружает всех нас, жителей большого города. И лишь статуэтка китайского котика взирает на всё происходящее с улыбкой, потому что он знает: ко всему нужно относиться с иронией.

ISBN 978-5-00-692338-6

© Тумина Е.
© Издательские решения

Содержание

Любовь в стиле джаз	6
Тихий центр	13
День знаний	18
Непредвиденное событие в «Чайном доме»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Котик, машущий левой рукой

Елена Тумина

© Елена Тумина, 2026

ISBN 978-5-0069-2338-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь в стиле джаз

Вчера Бэрри узнал: у него есть дочь. Вечер в своей московской квартире он провёл за компьютером, рассматривая фотографию рыжей девушки на сайте маленького подмосковного театра. Действительно, интрижка была лет двадцать назад – но ничего серьёзного. Завалил однажды после концерта на диване с подушками молоденькую художницу по костюмам. На этом всё. Лицо её помнил смутно. Так сложилось: видный мужчина, популярный джазмен, трижды женат – а вот с детьми не задалось.

Утром сел в сверкающую Omoda с ощерившейся радиаторной решёткой и через полтора часа был у театра «Родной Очаг». Колонны бывшего Дома культуры придавали зданию вид монументальный и одновременно сентиментально-знакомый. Концертов в таких Домах культуры по молодости отыграл так много, что из медицины пришлось уйти.

Бэрри вошёл в театр. Охранник оторвал взгляд от мобильного:

– Вы куда?

– Костюмерная у вас где?

– К Аглае? Второй этаж.

Бэрри поднялся по широкой лестнице, прошёл по коридору мимо «Реквизиторской». За дверью «Костюмерной» колоратурное сопрано звенело в вокализе, напоминавшем «Каста Дива»: с легчайшим стаккато в глиссандо. Виртуозное владение голосом!

Бэрри постучал. Пение прервалось.

– Заходите! – рыжая девушка обернулась. – Вам что?

– Здравствуй, Аглая, – сказал Бэрри. Но тут же поправил себя: – Здравствуйте. Я ваш отец. Вы замечательно поёте.

– Отец? – Аглая замолчала. – Откуда вы взялись?

– У нас были отношения с твоей мамой. Но так жизнь сложилась.

– И где вы были так долго? – Девушка смотрела с любопытством.

– Аглая, я не знал о твоём существовании, – Бэрри вздохнул. – Приятель рассказал, что встретил вас с мамой, Викторией, – ведь твоя мама Виктория?

– Да. А что нужно-то?

– Хочу познакомиться поближе.

– А где вы были, когда мама болела? Вы же не знаете, что у неё рак был? Я занята. Идите, идите.

– Аглая, один вопрос, – обернулся от двери. – Почему вы, с таким потрясающим голосом, который я только что слышал, не на сцене, а в костюмерах?

– Мне к спектаклю готовиться надо. Всего доброго.

Бэрри вышел в коридор, притворив за собой дверь. Вот это да! Какой характер! Прямо он сам в молодости. А как поёт! Надо дожидаться окончания спектакля и продолжить разговор.

Бэрри спустился к кассе. Оказалось – билетов нет. Пришлось сказать, что отец Аглаи, и билет из записки нашёлся. На всякий случай добавил, что заслуженный артист России, может, Аглае передадут.

Мюзикл «Любовь и жестокость» по «Бесприданнице» Островского – с вполне профессиональной музыкой молодого неизвестного композитора в сочетании с синтетичностью режиссёрского замысла удивил: вокал (под минус), сцендвижение, драматическая игра оказались неожиданностью в – если начистоту – провинциальном театре. Актёры играли хорошо. Некоторые даже очень хорошо.

Исполнительница роли Ларисы – по совпадению тоже Лариса, по фамилии Гураль, как гласила программка, – обладала яркой внешностью и выраженной эмоциональностью. Действие мюзикла – ну или музыкальной драмы – было перенесено в настоящее время. Герои

пьесы, одетые по последней моде, рассказывали историю из современной жизни, с вечными противоречиями между добром и злом, любовью и предательством, богатством и бедностью.

В последней сцене зритель прониклся сочувствием к героине, а мерзкий Карандышев в исполнении немолодого отёкшего Павла Кукушкина вызывал отвращение. Завершился финальный дуэт, Карандышев вытянул руку с револьвером, прицелился, прозвучал финальный выстрел, Лариса упала.

Из декораций кофейни, обозначенной в виде барной стойки, боком торчавшей из-за кулисы, привлечённые хлопком револьвера, который озвучил техник-шумовик, выбежали Паратов, Кнуров и Вожеватов, как и полагается в последней сцене. Они красиво – симметрично – встали, обозначив окончание спектакля. Ну очень недурно. Даже не подозревал, что отечественный мюзикл развивается такими темпами.

К рампе подошла поклонница с ярко-красными розами и стояла наготове с желанием первой вручить букет. Зрители аплодировали. Лариса лежала, выдерживая паузу, и ближе всех к ней подошёл исполнитель роли Паратова, очень подходящий этой роли, с явным амплуа Первого Красавца, – артист Максим Французов. Он задержал взгляд на Карандышеве – в исполнении актёра Павла Кукушкина: тот зачем-то сосредоточенно разглядывал револьвер. Паратов, то есть актёр Максим Французов, подал руку Ларисе, но ответного жеста не последовало, и он по-джентльменски аккуратно просунул руку ей под голову и чуть приподнял.

На авансцене стали собираться остальные актёры для поклона. Встали рядом Кнуров – «пожилой человек с громадным состоянием» в исполнении Сергея Сучкова и Вожеватов – «представитель богатой фирмы», которого играл Руслан Цименко. Подтянулись остальные актёры, задействованные в спектакле.

Максим Французов чуть дотронулся до плеча Ларисы, и под ним вдруг стала видна лужица крови, яркой, как цвет роз, которые наготове держала поклонница. Максим изменился в лице:

– Есть в зале врач? – неожиданно громко крикнул он.

Бэрри подошёл к рампе:

– Я врач. Работал в скорой.

С середины первого ряда его буквально вытолкали зрители, побежавшие к выходу. Аплодисменты затихли, но не все сразу, а каскадом: передние ряды уже поняли, что случилось, а на задних нестройные хлопки ещё раздавались. Шелестом пролетели вздохи, послышались выкрики – вызовите полицию! держите его, пока ещё кого-нибудь не убил! Карандышев, артист Павел Кукушкин, стоял с револьвером в руке, а зрители партера разделились на две группы, некоторые подошли к рампе и указывали на Павла:

– Держите его! Да держите же его!

Один из зрителей, качок в полосатой рубашке, взбежал на сцену по боковой лесенке слева, подошёл к Павлу и резко выхватил у него револьвер «Кольт Питон», крутанул барабан, высыпал в ладонь горсть патронов, после чего сунул револьвер в задний карман джинсов.

Бэрри поднялся на сцену, взял руку Ларисы и пощупал пульс, проверил зрачки. В области сердца, в середине грудной клетки – разорванная ткань голубого платья и расходящиеся нервные кровавые лучи.

– Предполагаю, что можно констатировать смерть, – Бэрри обратился к качку в полосатой рубашке.

– Вызывайте полицию! – крикнул качок актёрам. – Я пока покараулю.

Он подтолкнул Павла Кукушкина, стоящего с выпученными глазами. Кукушкин, как мешок, рухнул на стул, но опомнился и закричал:

– Это не я! Я ничего не знал! Это тот же револьвер, что я всегда беру в «Реквизиторской»!

Он не может стрелять!

В зрительном зале собрались остальные работники театра. Прибежала Аглая.

– Лариса? Что случилось-то, кто-нибудь может рассказать? – обратилась к Максиму Французову, стоящему рядом с Ларисой.

– Вот тебе и Лариса, – актёр, исполнявший роль Робинзона, хмыкнул и выразительно посмотрел на Бэрри. – Вчера они так спорили в гримёрке – будь здоров.

– Кто? Аглая с Ларисой? На какую тему? – спросил Бэрри.

– Да на любую. Наша Лариса вообще права качать горазда. Ей всё не нравится – и костюм с пятнами, и поглажено не так. Прима, что тут скажешь, – он оглянулся, выцепив взглядом кого-то из стоящих артистов, и отошёл.

Через двадцать минут приехали следователь и судмедэксперт, осмотрели труп. Судмедэксперт начал вносить данные в форму, а следователь упаковал пистолет с гильзами, переданный качком, и теперь ходил по сцене, внимательно всё рассматривая.

– Орудие убийства есть, телесные повреждения, повлёкшие за собой смерть – описаны. У меня нет вопросов. Труп можно увозить, – судмедэксперт обратился к следователю.

Актёры молча слушали и смотрели на первую красавицу театра Ларису Гураль, с трудом привыкая к мысли, что именно её теперь называют «труп».

– Скажите, спектакль у вас в репертуаре сколько лет? Как именно выбирают оружие для спектакля? Кто его выдаёт? – следователь переводил взгляд с одного актёра на другого, обращаясь ко всем сразу.

– Выдаёт бутафор – Ольга. Но её нет уже третий день: у неё дочь болеет, – слышались ответы от нескольких актёров одновременно.

– А кто сегодня выдавал?

– Получается, что Аглая, – подал голос актёр, исполнявший роль Робинзона.

– Вы сегодня выдали оружие актёру Павлу Кукушкину? – следователь смотрел на Аглаю.

– Нет. Ольги сегодня не было, но, когда у неё ребёнок болеет, она оставляет мне ключ от «Бутафорской». Вешает его на доску для ключей в «Костюмерной». Актёры не спрашивают моего разрешения, чтобы открыть «Бутафорскую». У нас всё на доверии.

– Где вы брали револьвер сегодня? – следователь обратился к Павлу Кукушкину.

– Там же, где обычно. Есть коробка с оружием. Там несколько револьверов, пистолетов. Ружьё есть. И не одно. Но ружья в другом месте.

– А почему вы взяли именно этот вид оружия?

– Потому что наш спектакль идёт уже два года, и я всегда беру этот револьвер – «Кольт Питон».

– Знаете, я в ваших театральных делах не слишком разбираюсь, но зато знаком с видами оружия. Извините, конечно, но во времена Островского такого револьвера, как «Кольт Питон», ещё и близко не было. Его изобрели только в 1955 году. Почему в спектакле вы пользуетесь именно этим револьвером? – спросил следователь.

– Да легко, – вступил в разговор Сергей Сучков. – Иногда бывает, что по пьесе важна модель оружия, а бывает, что нет. Этот спектакль о современной жизни. На костюмы обратили внимание? И тогда, короче, актёр берет ту модель, которая ему больше нравится. Вот как сейчас Павел. Она ему просто внешне нравится. Её обычно и берёт. Короче, она ему удобна. Об этом все знают.

– Да! Только я не понимаю, почему револьвер стрелял! Я беру его каждый спектакль. Я не знаю, что случилось. Я не виноват. У меня жена, две дочери... – заголосил Павел Кукушкин.

– Но всё же: ключ от «Бутафорской» находился под вашим присмотром, на ваших глазах? – следователь обратился к Аглае.

– Да. Он находился в «Костюмерной».

– А в каких отношениях вы были с убитой Ларисой Гураль? – следователь повернулся к Павлу Кукушкину.

– Я? Ни в каких. Я женатый человек.

– А с профессиональной точки зрения? Были у вас какие-то разногласия, может быть?
Павел Кукушкин опустил голову:

– Вообще, хорошие. Иногда были споры, но только профессиональные.

– О чём речь? Конкретнее, – следователь водил взглядом по лицам окружающих.

– Он часто ругался с Ларисой. Вернее, она с ним. У неё характер был ещё тот. Если честно, она Павлика не любила как партнёра и каждый раз просила главрежа его заменить, – из толпы зазвучал голос Руслана Цименко, а голова Павла Кукушкина склонилась ещё ниже.

– Почему? – следователь повернулся к Руслану.

– Ну, она говорила, что он молодёжи должен эту роль отдать. А он не хотел. Ему деньги нужны.

– На сегодня всё. По мере возникновения вопросов и для дальнейших показаний каждого вызовем повесткой. Павла Кукушкина мы должны задержать. Следуйте за нами.

Расходились молча. Аглаю домой повёз Руслан Цименко – он был на машине. Бэрри тоже хотел предложить дочери свою помощь, но она в его сторону не смотрела.

Утром Бэрри поехал в следственный комитет. Выяснилось, что ночью в съёмной квартире Аглаи неподалёку от театра был проведён обыск и в её платяном шкафу был найден бутылочный пистолет той же марки: «Кольт Питон». Аглаю забрали.

Бэрри поехал в театр без чёткого плана. У колонн увидел Руслана Цименко. Это он вчера отвёз Аглаю домой. Сели на скамейку перед клумбой.

Руслан сказал, что лично он не понимает, что произошло. Хотя, разумеется, весь театр знал о натянутых отношениях между Аглаей и Ларисой. Лариса никогда не стеснялась в выражениях. А уж как она орала накануне – все слышали! Ссора была громкой и, видимо, серьёзной. Суть в чём: главреж подумывал, не дать ли Аглае роль в новой постановке. О том, как она поёт – знают все. Прямой же театра, конечно, была Лариса Гураль, ролей имела много, но переживала, что Аглая может её обойти. Прямой-то она была прямой, но возраст уже подпирал. Роли молодых женщин играть всё сложнее и нелепее. И накануне так обзывала Аглаю – вертихвостка неграмотная! Это потому, что у Аглаи диплома пока нет. А главреж-то уже нацелился – не на что-нибудь, а на «Призрак Оперы». Хоть и в облегчённом варианте. К тому же Лариса стала попивать. Но мы думаем – попивала ещё оттого, что в личном плане была не устроена. В общем, если хотите спросить, был ли у Аглаи мотив против Ларисы – все бы ответили, что был. Аглая действительно уже нацелилась на роль Кристин. Но, с другой стороны, если из-за этого стрелять – все театры были бы полны трупов.

Бэрри попрощался и вошёл внутрь театра. В фойе толпились артисты – только закончилась дневная репетиция. К Бэрри подошёл незнакомый молодой человек в очках:

– Меня не было вчера на спектакле. И даже близко не представляю, как такое случилось. И главное – почему. Позвольте представиться, Тимофей Тришкин, главный режиссёр театра. Сочувствую вам, мне сказали – вы отец Аглаи.

– Здравствуйте. Вот, мотаюсь здесь. Что-то нужно делать – а что не знаю.

– Вся труппа в шоке. Многие пытаются разгадать эту загадку. Вы отец, представляю, как вам тяжело. Собираетесь к ней на свидание? Ещё один человек уже с утра к ней уехал. Хотя мы все переживаем.

– Кто уехал?

– Максим Французов. Уехал к следователю, хочет добиться свидания с Аглаей, поддержать как-то. Надеюсь, дадут разрешение.

– Французов? А какое он имеет отношение к моей дочери?

– Он у нас лидирующий актёр, с большим опытом. Когда он Аглае давал какие-то советы – она очень ценила. Они общались последнее время.

– Скажите, а как вы думаете – второй пистолет откуда вообще взялся? Вы где такие вещи покупаете? Не знаю, может, чёрные рынки какие-то.

– Господь с вами. Всё на виду и всё законно. Что касается реквизита и в частности оружия, – куча специализированных магазинов. Мы в основном в одном покупаем, у них подходящий ассортимент, и продавец свой. Когда что надо – я ему заявочку, он подбирает. Много лет дружим.

– Адрес можете подсказать?

– Конечно, не секрет. Метро «Варшавская».

– Скажите, а как получилось, что пистолет стреляет? Для реквизита он явно должен быть какой-то стопроцентно небоевой?

– Естественно! Он не может стрелять от слова «совсем». Мы покупаем охолощённое оружие. Кто ж нам боевое продаст. Н-да, кому-то понадобилась вся эта история. Ладно, побегу. Обращайтесь, если что нужно.

– Спасибо, – Бэрри пожал руку Тимофею и пошёл в кафе.

В уголке обедал исполнитель роли Кнурова Сергей Сучков. Бэрри понял, что терять ему нечего, и решил нагло спросить разрешения присесть за столик к Сергею, хотя остальные столики были свободны.

– Вы позволите?

– Конечно, присаживайтесь. Я вам сочувствую. Будем надеяться, что всё как-то разрешится. Я сам многого не понимаю в этой истории, – Сергей с аппетитом ел картофельное пюре с сосиской.

– Хочу сходить на свидание с Аглаей. Сейчас к ней вроде бы Максим поехал. Не знаю, разрешат ему или нет.

– Наш пострел везде поспел.

– Что вы имеете в виду? Я не в курсе. Признаюсь вам: я отец-то ещё тот. Только два дня назад узнал, что Аглая – моя дочь. И нате вам, такая история.

– Серьёзно? У меня такой же папаша. Ой, извините. Ну вот вы нашлись – как папаша, я имею в виду, а мой где-то в тумане насовсем затерялся. Знаете, одну вещь сейчас вам скажу, но только по секрету. Я серьёзно, не говорите никому. Поймёте почему. Короче, я по мере возможности берусь за любую подработку. Ну, потому что живу с матерью, а зарплата актёра начинающего – понятно всё. Таксовать не могу, машины нет. И я, короче, каждый удобный момент подрабатываю. Где придётся и кем придётся. Если заказывают как актёра – с удовольствием иду, на Новый год, например. А вот так вот – даже курьером могу. Люди разное заказывают. Тяжёлые моторы для катеров вожу, технические вещи. Иногда пиццу. Но скрываю в театре. Ни к чему.

– Я не понял, мне это зачем?

– Сейчас поймёте. Просто вы сказали – Максим на встречу к Аглае поехал. А я вам расскажу, что буквально две недели назад я ждал у кафе «Пицца в радость» своей очереди на доставку. На мотороллере. Сидел-сидел и увидел Максима. За столиком. С кем вы думаете?

– Понятия не имею. Я здесь человек со стороны.

– С Ларисой. Секрета в этом нет, в театре всегда все всё знают. В принципе, ничего странного. Они сидели за столиком на веранде, сначала нормально, как все, а потом стали нервничать. Она особенно. Стала кричать так громко, будто и людей вокруг нет. На веранде, правда, действительно мало народу было. Потом вообще расплакалась. Я, короче, решил подслушать. Извините, конечно, но мы, актёры, ребята простые. Я натянул шлем полностью, скрыл лицо и с деловым видом прошёл мимо веранды пару раз. Но они так были увлечены разговором, что мои хождения не заметили. И не узнали бы меня в шлеме, даже если бы посмотрели.

– И что?

– Ну что. Сказала, что хорошо бы им пожениться.

– А он?

– А он сказал, что в его планы это не входит. А ей посоветовал пить меньше. Вот такие дела! И после этого совета там такое началось! Просто адская сцена какая-то, с угрозами, слезами. Народ оборачиваться стал, а ей будто по фиг. Она, короче, кричала, что расскажет жене, а он говорит – у меня двое детей! А она говорит: а мне что делать? Я тоже семью хочу! У меня типа молодость проходит, вот это всё. Потом плеснула в него из стакана, схватила сумку и умчалась. Я тоже уехал. Ладно, пойду я. Мне на работу. Во всяком случае, Аглая ваша пусть уж слишком на него не залипает. До свидания.

Аглая? Залипает на Максима Французова? Который забегался между женой и Ларисой Гураль? Да быть такого не может. Максим в связи с Ларисой, Лариса ненавидит Аглаю, а Павлу Кукушкину нужна роль. Как попал боевой пистолет в театр?

Бэрри поехал в магазин у метро «Варшавская». Магазин находился в торце девятиэтажного дома. Приятный русоволосый продавец легко откликнулся:

– Да, вот этому я продал револьвер «Кольт Питон», – он ткнул в фото Максима, которое Бэрри ему показал на мобильном. На фото Кукушкина продавец не отреагировал. – Тридцатого апреля.

– Вы даже помните дату?

– Помню. Перед майскими. Все на шесть соток собирались, а этот за револьвером пришёл. Я ещё пошутил: к празднику берете? Шутка не прошла.

– Я не понял: спектакль идёт на сцене два года. Значит, «Кольт Питон» тогда и купили?

– Всё верно. Первый экземпляр тогда и был куплен. А второй такой же лежал долго. Пока вот этот молодой человек не купил.

– Этот – второй экземпляр – тоже охолощённый?

– Естественно, не боевой.

– Скажите, а если кто-то захочет сделать из него боевое оружие, это возможно?

– Возможно. Не у нас, естественно. Есть мастера, подпольные. Сделают всё, что захотите.

Бэрри вышел из магазина. Как боевой пистолет попал в театр – понятно. Но кто притащил и спрятал у Аглаи дома бутафорский револьвер? Она сама? Кто ещё мог попасть к ней в квартиру? И при чём здесь Максим Французов? Ответов пока не было, и Бэрри опять поехал к следователю – рассказать про историю создания боевого варианта «Кольт Питон».

– Да, мысль ясна, но как бутафорский револьвер попал к вашей дочери домой? Выходит, сама принесла.

– Мне рассказали, что видели мою Аглаю с Максимом Французовым не раз вместе. Намекали, что отношения у них. Мне верится с трудом. Он женат! И двое детей. Ведь у него точно были отношения с Ларисой Гураль, вот что я выяснил.

– Ещё как были. При вскрытии выяснилось, что она беременна. Если учесть, что она не замужем – вероятно, он и мог быть отцом.

Бэрри уставился на следователя. Тот обернулся к парню, сидящему перед компьютером:

– Ты вот что, Владик, по металлистам поспрашивай, – обратился к лейтенанту. – Покажешь модель револьвера, фото Французова, и дату знаешь – приблизительно месяц назад, в начале мая. Найди, где он мог взять цилиндр для кольца. Давай.

Через два дня Бэрри опять был у следователя. Лейтенант Владислав Петров привёз адрес металлиста, восстановившего кольцо.

– Дочь вашу уже отпустили, – следователь поднялся из-за стола. – Аглая не хотела говорить, но рассказала. Была она в связи с Французовым.

– Зачем? Господи.

– У него в театре положение. Очень ей хотелось роль получить, считала, что он может помочь. В театр едем.

– С вами можно? – Бэрри тоже поднялся.

– Давайте. Ваша дочь уже там, я думаю.

До начала спектакля оставалось минут двадцать. В фойе прохаживались зрители. Стоял длинный хвост в буфет. Следователь, за ним Бэрри прошли за кулисы и постучались в гримёрную с табличкой «Максим Французов». Вошли, не дожидаясь ответа.

– Вам предъявлено обвинение в покушении на жизнь Ларисы Гураль. Проследуйте за нами, на выход.

– Шутки? Оставьте меня в покое, мне на сцену через двадцать минут, – Максим прилаживал на голову какие-то перья. Алая накидка живописно ниспадала с плеч. – У меня роль серьёзная, Мефистофель.

– Через двадцать минут вы будете уже совсем в другом месте, – сказал следователь.

– И не в перьях, а в арестантской робе! Сволочь! Баланду будешь есть, тварь!

Максим с вытаращенными глазами смотрел на орущего красного Бэрри.

– У вас нет никаких доказательств!

– Отчего же. Доказательства есть, и много. Вы состояли в любовной связи с Ларисой Гураль. После того, как она рассказала вам о своей беременности и пригрозила рассказать о ваших отношениях вашей супруге – и пришла мысль от неё избавиться. Супруга – банковский работник. И зарплата – с вашей не сравнить. Так ведь? А также двое детей – есть за что держаться. Также есть доказательства того, что именно вы купили «Кольт Питон», который с помощью мастера сделали боевым. Мастера мы нашли, показания на вас он уже дал. Ну и наконец, вы находились также в сексуальных отношениях с Аглаей Тарлановой и имели ключ от её квартиры.

На последних словах следователя у Бэрри в глазах потемнело.

– Да, я убил. Ладно, сознаюсь. Можно мне это оформить как сделку со следствием?

К машине с надписью «Следственный комитет» Максима Французова вывели через чёрный ход. Он так и шёл: в головном уборе с перьями Мефистофеля.

Бэрри вернулся на стоянку, открыл дверь сверкающей Omoda и сел на водительское сиденье. Из-за колонн показалась Аглая. Остановилась, озираясь. Бэрри вылез из машины и замер в нерешительности. Аглая побежала в его сторону.

– Папа, прости меня. Только познакомились, а ты меня уже спасаешь, – она прижалась к нему. – Мне тебя очень не хватало все эти годы.

– Это ты меня прости, дочка...

из сборника «Гений и злодейство»/

Тихий центр

С последних уроков Павел сбежал. Одиннадцатый класс, можно. Отчим, конечно, плешь проел нравочениями. Да пошел он со своими лекциями – ты должен это, должен то. А Павел никому ничего не должен. Если отчим спросит, почему дома, можно соврать, что заболел. Хотя голова и вправду болит. Вот бы с температурой поваляться недельку.

Была бы мать жива – поняла бы. Она тоже работала врачом, как этот, но не цеплялась. Не всем быть медиками. Кому-то, например, можно дизайнерами. Павел давно решил: будет дизайнером мужских причесок. Привычным движением ощупал стильный ежик. Вздохнул, вспомнив мать. С ней можно было спокойно общаться. Хотя перед смертью что-то на нее нашло:

– Не купайся в реке! Не ходи в бассейн!

Да-да, вот только ванну забыла упомянуть. Ну и дела.

Отчим ей перед смертью таблетки какие-то давал, «сонные». Говорил, что, когда у человека тяжелая болезнь, они помогают. Ну, он врач, в конце концов. От них, похоже, видения у нее какие-то были, а может и правда чувствовала что-то про Павла. Что от воды ему грозит опасность. Когда приходила в себя, смотрела на сына странным взглядом – то ли тут она, то ли нет, – а потом опять бубнила про воду. Павел подошел к дому, громыхнул калиткой и остановился: в середине двора, где обычно пусто – по честной договоренности жильцов, чтобы не драться за парковочные места, – в глубокий провал в асфальте свесились передние колеса тяжелого внедорожника. Незнакомый мужчина кому-то нервно описывал ситуацию по мобильному.

Из подъезда вышла старушка-соседка.

Фото автора

– Павлик, ну ты видишь, что творится? Как вы, готовы уезжать? Что отчим-то твой, Алексей Николаич, говорит? Я вот буду очень скучать, вся моя жизнь в центре прошла.

– Ну, Марь Петровна, команду дадут – уедем.

– Что же это творится! Каждый клочок застроили, почву тревожат. Вот здесь, где машина, когда-то была отхожая яма. Да и старые тоннели, прокопанные еще монахами, тоже неподалеку.

– Где? Под нами тоннели?

– Точно уж не знаю. Мне в детстве няня рассказывала. Скорее всего по ту сторону Неглинки, под храмом.

– А у нас тут что? Тоже тоннели, наверное.

– Бомбоубежища могут быть. Вот только реку-то закрывай не закрывай – а живая она. Подземные источники никуда не деваются.

Из подъезда вышел сосед Николай Евгеньевич.

– Что это? – спросил он, увидев внедорожник. – Я так понимаю, наши дни в этом доме сочтены? И так торопят с переездом, а тут нате вам.

– Да вот, – сказала Марья Петровна. – Новый жилой дом сунули как зубочистку между старыми.

– Согласен с вами, Марья Петровна. Строители уверяли, что никакого вреда ни почве, ни соседним постройкам. Откуда же тогда дыра в асфальте? Бригаду уже вызвали? Я вынужден откланяться. Работа, знаете ли, – сосед повернулся в сторону калитки. – Да, хочешь не хочешь, а переезжать придется.

– Я не понял, река пришла к нам во двор, что ли? Она ж в трубе, – Павел с сомнением посмотрел на Марию Петровну. – Я еще читал в интернете – Московское море под нами. А что, если оно выйдет из берегов? – Павел даже повеселел от такого предположения.

– Слышал я такие сказки, молодой человек, – по пути откликнулся Николай Евгеньевич. – Придумывают и библиотеку Ивана Грозного, и сталинские бункеры, и Московское море, по которому чуть ли не корабли ходят. Ерунда, конечно. Хотя есть предание, типа сказки. Во время постройки храма где-то в районе Таганки обнаружили необычный подземный лаз. А местный юродивый на веревке приволок оттуда странное существо – что-то среднее между рыбой и тюленем. Ладно, заболтался я с вами, пора на службу, однако.

Николай Евгеньевич кивнул на прощанье и вышел за калитку.

– По-твоему, Павлик, если реку в трубе закрыли, она исчезла, что ли? – Марья Петровна дернула Павла за рукав. – Ты же видишь, машина тонет! Скоро мы все утонем!

– Ладно, Марь Петровна, я пошел.

У старушки совсем ку-ку.

Павел открыл квартиру, прошел на кухню, снял крышку с кастрюли. Хлопнула входная дверь: отчим. Из магазина, наверное. Сейчас тоже на кухню притопаёт и по ходу начнет докапываться, почему с уроков сбежал. Шел бы ты лесом. Как зовут-то, не помнит. Только «ты, ты»! Надо переждать в черном ходе, покурить.

Зажав сигарету во рту, Павел схватил зажигалку, мобильный, ужом скользнул в тонкую щель за шкафом, заваленным хламом, и открыл дверь в черный ход. Отчим еще ни разу не догадался, что он там прячется. И хорошо.

Павел давно облюбовал сроду не мытое окно на лестничной площадке первого этажа, выходящее на заброшенный задний дворик, в котором никогда никого не было. Кроме разве сидящих на корточках дворников в оранжевых жилетах. Да и те появлялись редко.

Павел подымыл, поглядывая во двор, спрыгнул с подоконника и пошел в сторону квартиры подслушать: отчим ушел или еще нет. Внизу, у цокольного этажа, что-то сверкнуло. Изпод деревянной двери с мягким журчанием пробивалась тонкая, но настырная струйка воды.

Павел с удивлением взгляделся. В подвале бывали подтопления, как правило, из-за прорыва труб, но причины аварий находились легко и быстро. А вот когда взорвало отопительную систему, то мало никому не показалось. Пар стелился белым покрывалом, мешая отыскать протечку. Полдня рабочие в кипятке лазили. Сейчас же вода журчала спокойно и деловито.

Павел спустился на один пролет и потянул на себя деревянную дверь, соединяющую черный ход с подвалом. Во время авралов она впускала сантехников, прорабов, строителей. В остальное время мало кого интересовала. Теперь же дверь распахнулась неожиданно легко, слово ее кто-то подтолкнул. Павел заглянул в открытое пространство. Чернота дыхла сыростью и холодом. На ступеньку, где стоял Павел, хлынул мутный поток. Стопы в старых футбольных кроссовках ощутили, как носки моментально пропитались влагой.

Павел включил фонарик мобильного телефона, направил луч вниз и провел им по периметру. В уголке, из трещины, тихо и даже как-то уютно текла вода. Строго вертикально низвергался еще один маленький водопадик, похожий на летний городской фонтан. Что происходит?

Губы обожгло забытым сигаретным окурком. Он выплюнул его, закашлялся и уронил телефон на две ступеньки ниже. Наклонился, но тут же отдернул руку. В мути что-то юркнуло. Не разглядел только что.

На мгновение показалось, что мелькнули плавники, торчащие вверх как тонкая мужская расческа. Прошла небольшая рябь. Откуда она может быть в стоячей воде?

В подвале что, ветер дует? Или это рыба? Очень смешно: в подвале завелась рыба. Вряд ли. Наверное, мусор. Может, обрывки тряпок или целлофановый пакет. Только формы у него какие-то странные. Причудливые, как сказал бы Пушкин. Или кто там. Толстой. Уходить отсюда надо. И судя по всему – уходить быстро. Пока отчим дома, нужно всех на ноги поднимать. В подвале-то потоп.

Куча приплывшего мусора неожиданно взорвалась фейерверком брызг. Павел не успел ничего толком разглядеть, но понял, что под водой идет борьба. Взлетали всполохи чего-то серого, острого. Невнятная мешанина плюхалась и вновь выпрыгивала, напоминая драку за кусок чего-то, что Павел принял за обрывки целлофана. Скорее всего, это съестное. Пищевые отбросы.

Мобильный лежал на ступеньке, пуская сквозь воду танцующий луч. Павел закатал повыше рукав толстовки. Не отрывая взгляда от непонятной дерущейся кучи, он аккуратно сунул руку в воду и нащупал телефон. Не хватало еще за ним нырять, если ниже ускачет.

Резкие укусы пронзили ладонь, словно иглы. Павел быстро выдернул руку из воды, и телефон улетел пулей, напоследок нахально сказав: бульк! Он оторопело проводил его взглядом и посмотрел на ладонь. На ней появились черные точки, похожие на кляксы от протекающей шариковой ручки. Это еще что? Рыбы-людоеды? Уходить надо. Но мобильный достать тоже надо!

И если не сейчас, то с ним можно попрощаться навсегда. А это подарок матери. Пусть и старый. В нем забит ее номер, и он не собирается его стирать. Переписка. Фото.

Павел спустился на две ступеньки. Пришлось входить прямо в воду, но уже без разницы: кроссовки все равно мокрые. Вдруг что-то ударило в ногу. Острые иглы тыкались в лодыжку прямо через штаны. Павел пошатнулся, но удержался и быстро вернулся на ступеньку выше. Все вдруг закачалось перед глазами, похоже, реально заболел. Он сел и прислонился к стене. Пора возвращаться домой. Но он не может оставить телефон! Тот по-прежнему лежал на три ступеньки ниже и дразнил слабым лучом. Павел поднялся: мобильный нужно сто пудов достать.

Какая боль! По серым штанам расплзлось пятно крови. Укусила непонятная водная тварь. Болела голова. Павел словно в тумане наблюдал, как кровь со штанины смешивалась с водой. Нужно позвать отчима. Он пытался выдавить из себя крик, но выходил только глухой стон.

Павел мотнул головой, чтобы очнуться от забытья. Он сидел в воде уже по пояс, а на ступеньку ниже собралась плотная туча пучеглазых созданий. Если это рыбы, почему у них такой ненормальный вид? Нужно вскочить и убежать, но он только тупо на них смотрел.

Глазные яблоки пучеглазых созданий безостановочно двигались по кругу в разные стороны. Они все выглядели сумасшедшими. Павел понял, что их глаза как бы смотрят, но не видят. Приплыли на запах крови, твари. Рыб собиралось все больше. Через открытую дверь цокольного этажа появилось еще несколько. Из воды торчали острые хребты, придававшие им сходство с пилой. Иглы выглядели устрашающе.

В проем открытой двери не спеша вплыла крыса и направилась к стае пучеглазых рыб. А, гадина, и ты тут. Павлу эта особь хорошо знакома. Серых тварей навалом в любом городе. Он много раз видел, как они лазят по помойкам. Однажды с одноклассниками залезли в старый заброшенный дом, так крыса у них на глазах утащила кусок пиццы. Получается, если рыбы набрасываются на человека, то и крыса к ним может присоединиться? Они еще и лица обглаживают. Читал где-то. Если эти твари его сожрут, то потом и останков не отыщется. Так вот о чем мать говорила. Они приплыли за одним: жрать.

Из дверного проема появилась еще одна крыса. По-деловому, целенаправленно, она вступила в борьбу за кусок того дерьма, который вся эта компания считала едой. Зажав в пасти остатки непонятно чего – если там вообще что-то осталось, – она развернулась и приготовилась отгребать туда, откуда пришла.

Но первая крыса отреагировала молниеносно. Она набросилась на вторую, стремясь вырвать еду из ее пасти. Началась жесткая драка. Одна крыса прокусила другую.

Полетели кровавые ошметки, в которых трудно было определить, что это – части тела или куски еды. Похоже, и то и другое вместе. В драку влезли рыбы, и теперь они раздирали крысу на куски.

Очертания ступенек плясали перед Павлом. Это все наяву? Резцы этих рыб такие острые, что могут ногу до костей прокусить. Нельзя терять сознание. Пока твари друг друга жрут – нужно срочно достать мобильный. Он вон на той ступеньке. Его луч давно погас.

Павел спустился со страхом, ожидая нападения и ощущая боль в ноге, поднял мобильный, пока водные твари разбирались между собой. Вернулся на ступеньку выше и посмотрел назад. Кровавое месиво одной из крыс колыхалось на поверхности воды. Куски его пожирали рыбы. Павел почувствовал рвотные позывы. Его вырвало прямо тут же.

– Пап! Отец!

Крик эхом разнесся по черному ходу. Павлу казалось, что кричит не он, а кто-то другой. Да вряд ли отчим услышит, дверь закрыта. Скорее всего, на работу ушел. Все равно. Из последних сил. К двери. На карачках.

– Папа. Отец, – голова разрывалась от боли, и Павел долбил кулаком в дверь, не сразу догадавшись нажать на дверную ручку...

Полностью пришел в себя уже на кухне. Дверь в черный ход была закрыта, а сам он сидел на стуле и смотрел на стоящего перед ним отчима.

– Паша! Ну что ж такое! Сынок!

Павел отшатнулся от нашатыря, который отчим совал ему в нос, и посмотрел на ноги. Они были обмотаны кухонным полотенцем.

– Павлик, скорую я вызвал, уже едут, быстрее в больницу. Это же надо: как ногу прокусили! И рука исцарапана. У тебя еще и жар.

– Что это там, за дверью? Ты знаешь, что у нас потоп?

– Наконец-то в себя пришел. Да, уже все знают. Бригаду МЧС вызвали, они едут. Как ты-то туда попал? Что ты там делал? Раньше я бы сам не поверил, – отчим вытер испарину со лба Павла, осторожно касаясь салфеткой. – Потерпи, потерпи. Ничего, все решается. Сейчас

главное – тебя в больницу, – он неожиданно погладил Павла по голове, слегка прижав ему ежик.

С улицы слышалась сирена скорой помощи. Зазвонил мобильный:

– Да, поднимайтесь. Ждем! Быстрее!

Отчим посмотрел на Павла.

– Павел, хорошо, что я Марию Петровну встретил в подъезде. Я не знал, что ты дома. Я же тебя еле нашел! Ты почти без сознания был. Как сейчас-то? Ладно, ладно. И при укусах диких животных обязательны уколы против бешенства.

Они смотрели друг на друга. Павел боялся, что если моргнет, то не удержит слезы. Оба молчали.

– В одном тебе сочувствую, Паша. После таких уколов несколько дней нельзя есть шоколад и мороженое, – отчим вдруг нарушил молчание и засмеялся.

– И правда проблема, пап.

С улицы слышалась сирена и чей-то голос в громкоговоритель оповещал снова и снова:

– Срочная эвакуация! Срочная эвакуация!

/сборник «Бойся теней»/

День знаний

Репетиция музыкального ансамбля закончилась поздно, поэтому на предложение подруги переночевать в общежитии Анечка согласилась, не раздумывая. Первое, что увидела, когда проснулась, – серый, в пятнах, потолок, и не сразу вспомнила, где находится. Быстро встала, взяла полотенце и вышла в коридор. Подругу не будила: ей ко второй паре, пусть спит.

Коридор был пуст. Солнце упрямо пробивалось через мутное, в подтёках, окно в коридоре и освещало потёртый коричневый линолеум. Первая пара уже через час. Где все?

Одна из дверей распахнулась, чуть не стукнув по лбу – в коридор вышел заспанный Витя.

– Привет, чуть не убил, – поздоровалась Анечка.

– Привет. На первую идешь?

– Иду. Психология. Экзамен скоро.

– На первом этаже встретимся, без нас не уходи, вместе пойдем. Генка тоже встал.

Витя, направлявшийся в душ, был с махровым полотенцем, перекинутым через плечо, в плюшевом полосатом халате и в пляжных шлёпках. Анечка удивилась, увидев его в таком виде. В институте, в одном и том же костюме-двойке, Витя, скорее, напоминал физика, чем скрипача, а аккуратная борода и очки так умело скрывали тонкие эмоциональные оттенки на его лице, что никто никогда не знал, о чем Витя думает: в институте он был тихий, в общественную работу не лез и просто учился.

Через двадцать минут Анечка с Витей ждали Гену внизу. Анечка, нахертевшая стильный хвост, подкрепленный яркой заколкой, без макияжа – с собой ничего не было, кроме помады, – сидела на облезлом голубом столе, болтая ногами, Витя стоял рядом. Они вполголоса обсуждали, какие у кого долги: в год Олимпиады сессию назначили в мае.

– Эй, стоять! – Гена свесился с перил. – Психологиня заболела, Сева из параллельной сказал. У них вчера занятий не было.

– Можно не ехать, что ли? А чего так рано собрались? Нам теперь только к двенадцати. – Анечка и Витя посмотрели друг на друга.

Вдруг Витя внёс предложение:

– Здесь рядом ВДНХ. Знаете ли вы, люди, витающие в облаках, жизнь простого человека? Знаете ли вы, что в павильоне «Виноделие» ежедневно проводят дегустации вин?

– Дегустации? Вот прямо с утра? То есть прямо в девять утра и проводят? – посыпались вопросы у Анечки.

Решили, что предложение вдохновляющее.

От общежития до главного входа ВДНХ прошли минут за тридцать. Было прохладно, но Анечка не сомневалась, что день будет по-летнему теплым. По пути ребята делали Анечке комплименты. В основном их делал Гена – его комплименты были красивыми и касались её внешности и джинсов. От такого напора Анечка даже терялась слегка. Гена был старше всех на курсе, к тому же делал карьеру по комсомольской линии и прошлым летом вместо Подмоскovie отправился работать в летний лагерь в Венгрию. Оттуда он приехал в новых джинсах и с флюидами мужской сексуальности. Джинсы не были американскими, но тоже стояли торчком, как полагается.

Дошли до павильона «Космос», по пути обсуждая подготовку к экзаменам и предстоящую дегустацию. Боялись, что денег не хватит, но Витя сказал, что еды там не дают, а вина наливают так мало, что дорого это не стоит.

Павильон «Виноделие», запрятанный среди распутившейся майской листвы, с окнами-арками в восточном стиле и виноградной лозой по фасаду, был небольшой. На десятичасовом сеансе народу было немного. Подтянутая женщина с высоким бюстом, как объяснили –

сомелье, объявила тему дегустации: Крымские вина. Всем раздали подносы, на которых стояло девять пузатых фужеров, на дне каждого плескалось вино. Сомелье бодро подняла первый фужер, взболтала его и начала рассказ о подвалах Судака, аккуратно держа фужер за тонкую ножку.

Рассказ сомелье лился плавно. Большое количество цифр и фактов незаметно погрузило в привычную атмосферу лекции, поэтому Анечка слушала внимательно: привыкла. После объяснения полагалось попробовать предложенный сорт вина и попытаться найти в нём нотки, перечисленные в лекции. С непривычки нотки находились не все, но Анечка не отступала. Витя с Геней тоже.

Атмосфера царила приятная. Постепенно выпили всё, что было в фужерах, попутно представляя, как лучи солнца превращаются в изысканное вино, а в зависимости от почвы, высоты над уровнем моря и произрастающих растений данного конкретного региона вино наполняется сладостью, кислинкой или даже терпкостью.

После третьего сорта вина Анечка почувствовала, что очень хочется есть, но она терпела, хотя голова уже начала кружиться – и от выпитого, и от изысканности обстановки. Правда, на подносе лежали два тоненьких крекера, примостившись в правый угол подноса, в то место, где мог бы уместиться десятый фужер. Было понятно, что крекеры нужно беречь, растягивая до конца сеанса.

Анечка, Витя и Гена вышли из павильона «Виноделие» в приподнятом настроении, обогащенные знаниями: страна вдруг открылась с необычной, но очень притягательной стороны.

– Вы заметили, как Москва изменилась к Олимпиаде? Красота, ярко всё, – сказал Гена.

– А вы заметили, что в магазинах полно индийских товаров? Не Европа, конечно, но зато ассортимент, – поддержала Анечка.

– Вообще, я хочу сказать, у нас на факультете неплохая программа, во всяком случае и композиторов современных изучаем, и даже историю джаза, – добавил Витя.

Сержанту Каблукову было скучно. Он сидел на пассажирском сиденье милицейского уазика, патрулирующего улицы в районе ВДНХ, скрестив руки на животе. С тех пор как на въезд в Москву ввели пропуска, народу в ней сильно поубавилось.

«Время к полудню, а на улице – никого», – подумал сержант и вздохнул.

– А ну, Васёк, тормозни, – сказал вдруг сержант Каблуков, обращаясь к сидевшему за рулем рядовому Данилину, увидев трёх молодых людей, переходивших по зебре дорогу.

Молодые люди болтали и смеялись.

– Сейчас мы тебе нарисуем – как из ничего конфетку сделать. Интеллигентности, – добавил он себе под нос, выпрыгивая из уазика.

– Всем пройти в машину, – скомандовал он негромко.

– В какую машину? Зачем? – нестройно, но одновременно спросили все трое.

«Милиционер, видимо, потерял дорогу, заехал не туда, сейчас всё выяснится», – подумала Анечка. Она ждала, что он задаст какой-нибудь вопрос, например, как проехать туда-то, мало ли какие вопросы могут быть – милиционер тоже человек.

Сержант Каблуков продолжил:

– Проезжую часть следует переходить под прямым углом, а вы отклонились на один метр влево.

Лишние движения ему делать было лень, но он стал слегка подталкивать к уазуку всех троих.

«Вот, не надо было пить с утра», – подумала Анечка. В нелепой ситуации она старалась мыслить адекватно и по возможности трезво.

– Мы ничего не нарушали, – сказал Витя.

– Послушай, командир, дорога пустая, и перешли мы по зебре, – сказал Гена, пытаясь перехватить взгляд сержанта Каблукова.

Теперь сержант смотрел ему прямо в глаза, и Гена продолжил объяснения, размахивая руками. Голос его стал высоким.

На подмогу первому милиционеру из уазика вылез второй милиционер, помоложе. Смотрел он в сторону, но встал стеной рядом с первым, пытаясь затолкать ребят в машину.

– Не подпишете – отвезём в отделение и сообщим в институт.

«Меньше всего мне это нужно. Распределение на носу», – подумал Гена. «Тихо бы остаться в Москве и всё...». Гена первым залез в уазик и подписал протокол.

Анечка почувствовала, как от обиды глаза наполняются слезами.

«Понятно же, что издеваются...» Она насупилась, но тоже подписала.

Молча подписал и Витя...

– Теперь кого-нибудь на обгоне или превышении тормознем, – довольно сказал сержант Каблуков рядовому Данилину, когда уазик тронулся. – А то так и план по протоколам не выполнишь.

Рядовой Данилин открыл левое боковое окно и выставил в него локоть: было по-летнему тепло.

/журнал «Пашиня» июль-август 2022 г./

Непредвиденное событие в «Чайном доме» в непогоду

Канэсиро Ёсито, владелец «Чайного дома», решил ещё раз на всякий случай проверить, насколько плотно закрыты окна, и поднялся на второй этаж. В дальнем конце коридора горничная Сальма разговаривала по мобильному телефону, прикрывая его рукой:

– Почему вот ей? Вот кто она такая? Красавица чёртова. Нет на свете справедливости. Я подумала – с этим надо что-то делать. Я ей и дала, что повкусней...

Сальма засмеялась в ответ на реплику невидимого собеседника, но, заметив Ёсито, быстро сунула мобильный в карман униформы и скрылась в хозяйственной подсобке, откуда немедленно послышался грохот. Ёсито выглянул в окно. Сильные порывы ветра трепали фонари ака тётинь. Их мерцающий свет выхватывал из сумрака снежную круговерть. Редкие прохожие прятали лица в воротники. Штормовой ветер в Нью-Йорке не давал расслабиться который день. Как же получилось, что здоровье такой молодой и прекрасной женщины оказалось столь слабым? Словно в согласии с непогодой, отвечая на её выкрутасы, оно отозвалось так печально. Ёсито вздохнул, проверил оконный замок и посмотрел на дверь номера, из которого увезли умершую.

Не верилось, что лишь несколько часов назад он шупал пульс Танака Сейран – так звали эту женщину. Пришлось вызвать неотложную помощь, когда стало ясно, что сам вряд ли доведёт её до больницы: лицо её напоминало белую рисовую бумагу. Когда врач наконец приехал – было уже поздно.

Фото Елизаветы Субботиной

Из двери подсобки показалась Сальма с тележкой, наполненной полотенцами и гостиничной утварью. Она открыла дверь в номер Танака Сейран и скрылась внутри.

– Сальма, не нужно пока убираться. Конечно, судмедэксперт составил бумагу о причине смерти – инсульт либо инфаркт. Но сначала я хочу получить подтверждение, – Ёсито заглянул в номер.

По лестнице поднялся полицейский.

– Я тоже могу быть свободен: всё заполнил. Теперь ждите заключения патологоанатома.

– Единственное, что я хотел бы заметить, она вела себя очень нервно, – сказал Ёсито, обращаясь к полицейскому. – Так бывает, знаете ли, когда человек себя плохо чувствует. Вот у меня как давление повышается – так я даже на жену кричать начинаю. Она меня тихо останавливает и лекарство даёт.

– Да? А что такое? Она вела себя нервно, это как?

– Даже не знаю, как описать. Танака Сейран приехала весёлая, всё вроде бы было нормально. А потом я стал замечать, что с каждым днём она чувствует себя всё хуже, хуже – будто слабеет, что ли. Настроение менялось. Я знал, что жизнь её была не простой. Мы так долго общались, что, конечно, она делилась со мной: росла без отца, а мать, к её глубокому прискорбию, покончила с жизнью – открыла газ, когда начались проблемы со здоровьем. Перед этим так и сказала: «Чтобы ты не мучилась со мной». И ещё сказала: «Я не ввела тебя в круг родственников, прости меня за это». Знаете, в молодости её мать связала свою жизнь на короткий период с мужчиной, который её бросил. По японским законам, если отец не женился на матери ребёнка – то официально вроде и нет отца. Родственники не торопятся такое прощать, для них это позор своего рода. И мать сказала: «А теперь ты без мужа и с ребёнком. Я не хочу быть тебе обузой». Вот так и сказала. Танака Сейран была очень откровенной и очень ранимой. Потому я знал, что психоэмоциональное здоровье у неё довольно хрупкое. Ещё и ураган этот, как назло. Вам не кажется, он на нас всех как-то действует? Но её мастер-классы привлекали посетителей в «Чайный дом», она была очень одарённой. К сожалению, вместо месяца успела отработать лишь неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.